

Нянькина сказка про кобылью голову

Надежда ТЭФФИ

— Ну а вы какого мнения относительно совместного воспитания мальчиков и девочек? — спросила я у своей соседки по five o'clock'у.

— Как вам сказать!.. Если бы дело шло о воспитании меня самой, то, конечно, я была бы всецело на стороне новых веяний. Ах, это было бы так забавно. Маленькие романы... Сцены ревности за уроками чистописания, самоотверженная подсказка... Да, это очень увлекательно! Но для своих дочерей я предпочла бы воспитание по старой методе. Как-то спокойнее! И, знаете ли, мне кажется, всё-таки неприятно было бы встретиться где-нибудь в обществе с господином, который когда-то при вас спрягал: «Nous avons, vous avons, ils avont»*... или ещё того хуже! Такие воспоминания очень расхолаживают.

---

* Мы имеем, вы имеете, они имеют. (фр.)

— Всё это вздор! — перебила её хозяйка дома. — Не в этом суть! Главное, на что должно быть обращено внимание родителей и воспитателей, — это развитие в детях фантазии.

— Однако? — удивился хозяин и пожевал губами, очевидно собираясь состричь.

— Finissez!* Никаких бонн и гувернанток! Никаких. Нашим детям нужна русская нянька! Простая русская нянька — вдохновительница поэтов. Вот о чём прежде всего должны озаботиться русские матери.

---

* Перестаньте! (фр.)

— Pardon! — вставила моя соседка. — Вы что-то сказали о поэтах... Я не совсем поняла.

— Я сказала, что русская литература многим обязана няньке. Да! Простой русской няньке! Лучший наш поэт, Пушкин, по его же собственному признанию, был вдохновлён нянькой на свои лучшие произведения. Вспомните, как отзывался о ней Пушкин:

«Голубка дряхлая моя... голубка дряхлая моя... сокровища мои на дне твоём таятся...»

— Pardon, — вмешался молодой человек, приподняв голову над сухарницей, — это как будто к чернильнице...

— Что за вздор! Разве чернильница может нянчить? А все эти дивные произведения! «Руслан и Людмила», «Евгений Онегин», — ведь всему этому научила его нянька!

— Неужели и «Евгений Онегин»? — усомнилась моя соседка.

— Удивительно! — мечтательно сказал хозяин дома, — такая дивная музыка... И всё это нянька!

— Finissez! Только теперь я и чувствую себя спокойно, когда взяла к детям милую старушку. Она каждый вечер рассказывает детям свои очаровательные сказочки.

— Да, но, с другой стороны, излишняя фантазия тоже вредна! — заметила моя соседка. — Я знала одного дантиста... Так он ужасно много о себе воображал... То есть я не то хотела сказать...

Она слегка покраснела и замолчала.

— А сколько возни было с этими боннами! Была сначала швейцарка. Боже мой, как она нас замучила! Иван Андреич до сих пор без содрогания о ней вспомнить не может. Представьте себе, чем она нас донимала? Аккуратностью. Каждое утро все оконные стёкла зубной щёткой чистила. Порядки завела прямо необыкновенные. Заставила в три часа обедать, а ужинать совсем запретила. Иван Андреич стал в клуб ездить, а я, потихоньку, к Филиппову бегала пирожки есть. Теперь положительно сама не понимаю, как она такую власть над нами забрала. Прямо пикнуть не смели!

— Говорят, есть такие флюиды... — вставил хозяин, сделав умное лицо.

— Finissez! Наконец избавились от неё. Взяла немку. Всё шло недурно, хотя она сильно была похожа на лошадь. Отпустишь её с детьми гулять, а издали, кажется, будто дети на из-

возчике едут. Не знаю, может быть, другим и не казалось, но мне, по крайней мере, казалось. Каждый может иметь своё мнение. Тем более я — мать.

Мы не спорили, и она продолжала:

— Прихожу я раз в детскую, вижу — Надя и Леся укачивают кукол и какую-то немецкую песенку напевают. Я сначала даже обрадовалась успеху в немецком языке. Потом, как прислушалась, — Господи, что такое! Ушам своим не верю. «Wilhelm schlief bei seiner neuen Liebe»* — выводят своими тоненькими голосками. Я прямо чуть с ума не сошла.

---

* Вильгельм спит у своей новой возлюбленной! (нем.)

В комнату вошла горничная и что-то доложила хозяйке дома.

— А-а! Вот и отлично! Теперь шесть часов, и няня сейчас начнет рассказывать детям сказку. Если хотите, господа, полюбоваться на эту картинку в жанре... в жанре... как его? Их ещё два брата...

— Карл и Франц Мор, — подсказал молодой человек.

— Да, — согласилась было хозяйка, но тотчас спохватилась: — Ах нет, на «Д»...

— Решке, что ли? — помог муж.

— Finissez! В жанре... в жанре Маковского.

— Так вот — картинка в жанре Маковского. Я всегда обставляю это так фантастично. Зажигаем лампадку, няня садится на ковёр, дети вокруг. C'est poetique*.

---

* Это так поэтично. (фр.).

Так что же — пойдёте?

Мы согласились, и хозяйка повела нас в кабинет мужа и, тихонько приоткрыв дверь в соседнюю комнату, знаком пригласила нас к молчанию и вниманию.

В детской действительно было полутемно. Горела только зелёная лампадка. И тихо. Скрипучий старушечий голос прорывался сквозь шамкающие губы и тягуче рассказывал:

— «В некотором царстве, да не в нашем государстве, жил-был старик со старухой, старые-престарые, и детей у них не было.

Вот погоревал старик, погоревал, да и пошёл в лес дрова рубить.

Рубит, рубит, вдруг, откуда ни возьмись, выкатилась из лесу кобыля голова.

— Здравствуй, — говорит, — папаша!

Испугался мужик, однако делать нечего.

— Какой, — говорит, — я тебе, кобыля голова, папаша!

— А такой, что веди меня к себе в избу жить.

Потужил мужик, потужил, однако видит, делать нечего. Повёл он кобылю голову к себе домой.

Подкатилась кобыля голова под лавку, три года жила, пила, ела, мужика папашей звала.

Как на третий год выкатилась кобыля голова из-под лавки и говорит мужику:

— Папаша, а папаша, я жениться хочу!

Испугался мужик, однако делать нечего.

— На ком же ты, — спрашивает, — кобыля голова, жениться хочешь?

— А так что, — говорит, — иди ты во дворец и сватай за меня царскую дочку.

Потужил мужик, потужил, однако делать нечего. Пошёл во дворец.

А во дворце царская дочка жила. Красавица-раскрасавица. Носик у ей востренький, а глаза маленькие, что серпом прорезаны.

И живёт она богато-богатеюще.

Всё-то у неё есть, что только её душеньке угодно. Пьёт она вино шампанское, ест она масло параванское, пряником непечатным закусывает. А платье на ней с тремя оборками и манчестером отделано.

А во дворце-то палаты огромные, ни пером описать. Сам царь от стула до стула на тройке ездит.

А и слуг во дворце видимо-невидимо. В каждом углу по пятьсот человек ночует.

Стал старик царскую дочку за кобылью голову сватать.

Потужил царь, потужил, однако видит, делать нечего. Отдал дочку за кобылью голову.

Стали свадьбу играть, пошёл пир горой. Поставил царь и солёного, и мочёного, и жареного, и варёного, а старику подарил со своего царского плеча лапотки новёхонькие да кафтан золочёный на бумазее стёганый, и палаты каменны, и пирога кромку.

Пошёл старик к своей старухе. Стали они жить-поживать да детей наживать. По усам текло, а в рот не попало!»

— *C'est fantastique!** — хрюкнул молодой человек, зажав рот рукой. — Тсс! *Revenons?*** в гостиную!

---

* Это фантастично! (фр.)

** Вернёмся. (фр.)